

ШЕЛЬФ ПРОДОЛЖАЕТ СОХРАНЯТЬ СТРАТЕГИЧЕСКУЮ ВАЖНОСТЬ

21 ДЕКАБРЯ 2020

Генеральный директор «Газпром нефть шельфа» Игорь Рустамов рассказал в интервью РИА Новости об итогах реализации шельфовых проектов компании в уходящем году.

Генеральный директор «Газпром нефть шельф» Игорь Рустамов

- Игорь Фаикович, вы относительно недавно вступили в должность генерального директора «Газпром нефть шельфа». Расскажите, каким этот год оказался для вашего ключевого проекта - «Приразломное»? Какой план работ и добычи на 2021 год?

- Приразломное – на сегодняшний день единственное месторождение на российском шельфе Арктики, которое уже эксплуатируется и где мы добываем нефть. Поэтому сейчас это самый важный актив в нашем шельфовом портфеле, здесь мы зарабатываем деньги, нарабатываем опыт, технологии, и все это в будущем реинвестируем в новые проекты.

Уже 7 лет на Приразломном ведется добыча. Бесперебойная эксплуатация – наш основной фокус внимания, чтобы не было никаких проблем с безопасностью, никаких перерывов в отгрузке, поскольку мы вывозим сырье танкерами. В ноябре мы добыли 15-миллионную тонну нефти из почти 80 миллионов, которые определены технологической схемой разработки месторождения. То есть впереди еще много и времени, и свершений.

Мы прогнозируем, что объем добычи нефти в этом году будет несколько выше планового, примерно на 3%, и примерно на столько же выше, чем в 2019 году. То есть у нас поступательно растёт добыча из года в год.

- В абсолютных цифрах это сколько?

- В 2020 году мы планируем добыть 3 миллиона 249 тысяч тонн. Для поддержания объемов добычи в год мы строим примерно три-четыре скважины. В этом году с опережением графика построены и запущены четыре скважины, и пятую мы сейчас строим, закончим ее в следующем году. Уже пробурено 23, а всего проектом предусмотрено 33 скважины.

- Из других достижений года что бы вы назвали?

- Безусловно, уходящий год оказался очень насыщенным и, можно сказать, напряженным с учетом эпидемиологической обстановки. На платформе одновременно находятся более 200 человек из наших подразделений и подрядчиков. Их нужно безопасно доставить и сделать так, чтобы никто не заболел. Но эти проблемы мы научились решать, так что и в будущем с подобными вызовами справляться будем, я думаю, достойно.

Также для совершенствования транспортно-логистической схемы проекта в 2020 году мы ввели в эксплуатацию вертодром «Арктический» в нашем вахтовом поселке Варандей. Сегодня это один из самых технически оснащенных вертодромов за полярным кругом. Он позволит нам бесперебойно обеспечивать доставку вахтовиков на месторождение, транспортировать грузы, а в будущем может служить плацдармом по освоению других шельфовых проектов в Баренцевом море.

Что касается 2021 года, то мы должны завершить начатые ранее процессы совершенствования собственной организационной структуры. В ходе трансформации мы ушли от модели управляющей компании и компаний-операторов и сосредоточили все ресурсы в «Газпром нефть шельфе», что позволяет быстрее принимать решения и реагировать на изменения. Это должно вывести нас на более эффективный уровень корпоративного взаимодействия, а экономический эффект от внедрения новой модели управления будет не менее значимым, чем, например, от внедрения новых технологий или сопоставимых технологических проектов.

- Весной, когда кризис на рынке нефти только начался, председатель правления «Газпром нефти» Александр Дюков говорил, что в текущих условиях придется оценить целесообразность продвижения по новым проектам на шельфе. По всей видимости, именно они в числе прочих были поставлены на «смарт-паузу». Как долго она продлится и какие выйдут из нее в первую очередь?

- Когда цена на нефть падает, куда вкладывать деньги? В первую очередь традиционно в проекты, которые уже сегодня дают отдачу и уже затем в проекты на стадии геологоразведки.

«Смарт-пауза» - это возможность оценить свои ресурсы, а после уже реализовывать обновленную стратегию. Что мы и сделали. Мы все шельфовые проекты разложили на три корзины: первоочередные, среднеочередные и долгосрочные.

Первоочередные - это проекты, которые мы собираемся запустить, предположительно, до 2030 года, на которых уже существенно изучены недра. Сюда можно отнести два новых месторождения Нептун и Тритон в Охотском море. Там мы хорошо понимаем геологию, окружение, там уже сложилась инфраструктура – рядом работают другие крупные российские и международные компании.

- Нептун и Тритон – единственные в корзине первоочередных в вашем портфеле активов?

- Первоочередным является и Южно-Обский лицензионный участок. На нем мы выполнили полевые работы и сейчас готовимся к 3D-сейсмике. Недавно управляющий комитет компании одобрил наш подход и уже, наверное, в следующем году мы выйдем на инвесткомиссию с запросом на инвестиции. В первую очередь они будут направлены на сейсморазведку и концептуальное проектирование.

Это уже означает выход из той самой «смарт-паузы». Пусть он не такой объемный с инвестиционной точки зрения, но это уже конкретная деятельность. Остальные проекты находятся в среднем и долгосрочном портфеле наших активов.

- Получается, что все эти проекты - Южно-Обский участок, Нептун и Тритон - вы уже выводите из «смарт-паузы» прямо сейчас?

- Получается да. Я не могу сказать, что мы их уже вывели, но мы на пути.

- А какие у вас планы по Хейсовскому участку в северной части Баренцева моря, найдено ли уже технологическое решение для его освоения?

- Самое главное - определиться с запасами, и вот это нам только предстоит сделать. Когда мы определимся с их локацией, местонахождением, качеством, глубиной залегания, физико-химическими свойствами, тогда уже подберем технологии добычи и обустройства. Но главное - это запасы.

- В какие сроки вы планируете это сделать?

- Я думаю, что в течение следующих пяти лет мы определимся.

- Принято ли уже решение о том, подключать ли Долгинское месторождение к инфраструктуре Приразломного? Какие у вас планы по этому проекту?

- Приразломное месторождение, как я уже говорил, нам еще очень долго предстоит эксплуатировать, поэтому мощности на действующей платформе загружены. Но не исключено, что использовать ее как некий плацдарм для освоения Долгинского участка, мы можем, эта концепция находится сейчас в стадии подготовки.

- Какая работа ведется по Северо-Врангелевскому участку? Продолжаются ли переговоры с «Новатэком» и появились ли конкретные сроки реализации проекта?

- В настоящее время мы завершаем интерпретацию 2Д-сейсмике, по результатам чего сможем принять решение о дальнейшей программе работ на участке. Параллельно ведем переговоры

с Новатек по обязывающей документации. Сделку планируем закрыть в первой половине следующего года, после получения необходимых корпоративных и регуляторных одобрений. Далее уже совместно с партнером конкретизируем дорожную карту реализации проекта.

- По всей видимости, вы будете оператором проекта и вам же будет принадлежать в нем наибольшая доля?

- Да, действительно, нам будет принадлежать наибольшая доля - это обусловлено договоренностями сторон и требованиями законодательства. Но важно, что совместное предприятие создается на принципах партнерства. На первом этапе управлением будет заниматься команда совместного предприятия. По мере развития проекта мы будем принимать решение о наиболее эффективной операционной модели.

- Вы отмечаете выгоды формата партнерства на шельфе и априори выступаете за него. Но практика показывает, что даже компании из АТР до сих пор не пришли сюда. Причина в технологических сложностях или санкционных, страновых рисках? Неужели о партнерствах с иностранными компаниями стоит забыть?

- Я бы не назвал страновой риск одним из основных препятствий, ни одна компания еще из подобных проектов не вышла: ни Shell, ни Exxon.

- Как раз Exxon от некоторых отказалась.

- Но из действующих никто не вышел. Макроэкономическая ситуация сейчас такова, что востребованность углеводородов несколько упала, это очевидный факт. При этом запасы на суше еще достаточно велики.

Поэтому я бы так ответил на ваш вопрос - всему свое время. Рано или поздно человечество все равно обратит свое внимание именно на шельф, поскольку там огромная поисковая ресурсообеспечивающая зона, которая может поддержать технологическое развитие.

- Недавно вы объявили тендер на подготовку финансово-экономического обоснования плана госстимулирования инвестиций в геологоразведку на шельфе? Насколько вообще в условиях дефицита бюджета целесообразно говорить о льготах?

- У подобных опций очень долгий срок реализации: начиная говорить о них сегодня, результат мы получим через 10 лет. Государственные органы собирают экспертное мнение, и мы, как подразделение, непосредственно занимающееся шельфовыми проектами, формулируем нашу экспертную позицию, основанную на практическом опыте. К примеру, принятые в 2016 году изменения в Налоговый кодекс позволили нам включить в налогооблагаемую базу проекта «Приразломное» расходы на поиск и освоение нового морского нефтяного месторождения с коэффициентом 1,5. Это обеспечило более 25 млрд рублей инвестиций в

геологоразведку в Охотском море с 2017 по 2020 годы, что привело к открытию Нептуна и Тритона.

- Что с вашей точки зрения может стимулировать геологоразведку на шельфе?

- Сегодня есть ряд действующих норм, но, на наш взгляд, их может не хватать, поскольку геологоразведка на шельфе - сродни венчурным, если можно так сказать, проектам. И обратить дополнительное внимание государства на этот вид деятельности мы пытаемся. Учитывая текущую ситуацию, требуются даже не льготы, а дополнительные механизмы стимулирования. При этом фактически потери поступлений в бюджет не происходит. Происходит реинвестирование средств в развитие отечественных сервисных компаний и компаний, занимающихся геологоразведкой. А это - разработка российских технологий разведки морских месторождений в сложных геолого-климатических условиях, создание новых рабочих мест и дополнительные налоговые поступления.

- Эти льготы нужно разрабатывать под конкретные проекты или в общем и целом по шельфу?

- Я думаю, что разрабатывать необходимо в целом для шельфовых проектов, учитывая их специфику и волатильность цен на нефть. Однако, проверять эффективность их действия и донастраивать, на мой взгляд, целесообразно на пилотных проектах.

- Как вы оцениваете влияние роста налоговой нагрузки в нефтяном секторе из-за отмены части льгот и корректировки НДС на ваши активы? Не снизится ли в общем потоке объем инвестиций по вашему направлению как наиболее дорогому?

- Для морских проектов, которыми занимается «Газпром нефть шельф», Налоговым кодексом установлены специальные правила налогообложения – для новых морских месторождений. Поэтому изменения НДС не затрагивают экономику и объемы инвестиций в наши шельфовые проекты. Если же говорить в целом о налогообложении проекта «Приразломное», то нам представляется, что его категория сложности (сейчас она вторая, наряду с проектами в Черном и Каспийском морях) должна быть пересмотрена в большую сторону, по аналогии с другими арктическими морями. Это поможет выровнять фискальную нагрузку и объемы инвестиций в разработку месторождения. Для этого мы готовы продолжать конструктивный диалог с государством.

- Насколько компания продвинулась в вопросе технологического обеспечения оборудованием и технологиями разведки и добычи на шельфе?

- Мы сделали большую работу по созданию и реализации технологической стратегии. Результат этой работы можно видеть уже сегодня. К примеру, на Аяшском участке вместе с нашим подрядчиком мы применили сейсмокомплекс, который произведен на российском предприятии «Морской технический центр», благодаря тесной кооперации между Минпромторгом, «Газпром нефтью» и такими компаниями, как «Росгеология», «Совкомфлот», МАГЭ. Эта технология позволила нам заниматься сейсмикой в условиях острого мирового дефицита подобного оборудования.

За последние пять лет мы достигли определенных успехов и по другим направлениям, произвели замену ряда технологически сложного оборудования импортного производства на российское. Речь идет о нашей платформе «Приразломная». Ну, и продолжаем работать в части создания второго поколения донных станций для производства сейсмики.

- Какой ежегодный объем средств тратит компания на разработку технологий шельфовой разведки и добычи?

- Могу сказать, что значительный объем: до 200 миллионов рублей.

- Вы работаете в очень хрупком регионе - в Арктике. Недавно проявилась новость о разработке отечественного диспергента для ликвидации разливов нефти в арктических условиях. Приходилось вам его уже применять? Какие выводы в целом можно сделать о влиянии «Приразломной» на окружающую среду?

- Созданный при нашем участии диспергент – действительно уникальный продукт, который эффективен даже при низких температурах. В России отсутствуют аналоги веществ с подобными свойствами. Нам диспергент применять не приходилось, и мы обеспечиваем такой уровень промышленной и экологической безопасности на наших объектах, чтобы в его применении не было необходимости. За все семь лет эксплуатации «Приразломной» мы не допустили ни одного даже самого незначительного инцидента с какими-то экологическими рисками. Вы очень правильно заметили, это очень хрупкий регион, нежная экосистема. И мы ее бережем.

– А еще какие есть экологические проекты?

- Мы ведем активный мониторинг экологической среды, которая находится вокруг нашего объекта, наблюдаем за объектами флоры и фауны, чтобы отслеживать даже самые незначительные изменения, которые могут быть сигналом, что что-то идет не так. Пока такие наблюдения говорят о том, что все достаточно спокойно. Летом мы провели очередную ежегодную экологическую экспедицию в юго-восточной части Баренцева моря. Исследования показали стабильность численности краснокнижных атлантических моржей, являющихся индикаторами устойчивого состояния морских экосистем. Экомониторинг в регионе мы ведем уже почти десять лет. Полученные за это время результаты доказывают возможность безопасного соседства природы и нефтедобывающей инфраструктуры при условии постоянного контроля.

- Каким вы видите дальнейшее развитие шельфовых проектов с учетом европейской углеродной повестки и общей экологической ситуации в мире?

- Я думаю, что шельф продолжает сохранять стратегическую важность не только для компании, но и для отрасли в целом. Даже чисто логически если рассуждать: поверхность воды в три раза больше, чем поверхность суши, и можно сделать вывод, что количество месторождений под ее толщей может быть не меньше, чем на суше.

Конечно, это во многом зависит от степени технологического развития человечества, но, я думаю, что эра углеводородов далеко еще не завершена, а потому шельф будет сохранять

стратегическую важность как в средней, так и долгосрочной повестке. А с учетом того, что технологии становятся лучше, и надежнее, то мы будем наблюдать рост количества месторождений на шельфе. Это мой прогноз.

- Надеемся, впереди вас ждет еще много амбициозных проектов, подобных «Приразломному».

- Мы к этому стремимся и знаем, как это сделать.